

Владимир КАНТОР

ХРИСТИАНСТВО КАК ЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА
(ПО МОТИВАМ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В ИЗГНАНИИ)

Чтобы говорить сегодня о христианстве (а о нем надо говорить), чтобы оценить перспективы одного из самых мощных и продуктивных явлений человеческого духа за последние пару тысяч лет, необходимо вдумывание в его роль в истории европейского человечества, в его кризисы и катастрофы.

Европеизм как экспансия христианства

Христианство, усвоенное античностью (Древним Римом), явилось фундаментом возникшей и укрепившейся на основе принципа личности (личного вклада каждого человека в построение жизни) европейской цивилизации. Его энергичная сила в течение нескольких столетий переработала косный элемент варваров-завоевателей. Христианство структурировало и резко отделило Европу от других геополитических образований на земном шаре. По мнению русских мыслителей (С. Франк), само завоевание свободы и демократии, пришедшее поздно, было тем не менее инициировано христианскими смыслами.

Продвижение христианства на другие земли и материка каждый раз означало движение европейской цивилизации в ее новых модификациях (США, Латинская Америка, Канада, Австралия и т. д.). Однако основное ядро этой цивилизации, «Corpus christianum», оставалось там, где оно создавалось в течение столетий — с муками, страданиями святых, диким народным христианством (по сути, амальгамой с язычеством), крестовыми походами, смутами, церковными схизмами, реформацией и т. п., а именно — в Европе. Европейские кризисы поэтому оказывались всегда мировыми, захватывая всю христианскую Ойкумену и прилегающие к ней области.

Русь крестилась в X веке, войдя тем самым в европейское сообщество христианских народов. Это ясно почувствовал князь Владимир после крещения: «Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: «Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать Тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны»¹. Как мы знаем, далее в результате геополитических противоре-

¹ Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. — М.: Худ. литература, 1978. — С. 133.

чий произошла схизма. Но в X веке схизма еще не оформилась окончательно, официальный раскол христианской церкви произошел в 1054 году. А к этому времени Киевская Русь стала законной частью европейского мира. «Киевщину, — писал русский историк А.Е. Пресняков, — знали на Западе, считали богатой и культурной страной и отнюдь не смотрели на нее свысока, как на варварскую окраину. В те времена молодое русское государство было хоть отдаленной и обособленной, но частью европейского мира, а Киев — существенным для него оплотом»². Уже после схизмы на Русь приезжает вполне дружелюбно от императора Генриха IV послом епископ трирский Бурхардт, в XI и XII веках продолжают династические браки с королевскими домами Западной Европы: скажем, Владимир Мономах женат на дочери англосаксонского короля Харальда, а Мстислав Великий — на дочери шведского короля. Да и церковь вполне свободна, она «не смешивалась с государством и стояла высоко над ним»³.

Ситуация меняется в столетия татарского ига, отрезавшего Русь от Западной Европы, тем самым укрепившего Схизму. Русское, экуменическое по духу и пафосу православие, связывавшее Западную Европу и Константинополь, превращается в националистическое, а с укреплением Москвы, с «московизацией Руси» (Г.П. Федотов), церковь получает статус автокефальной, но при этом полностью оказывается подчиненной верховной власти. Русское православное христианство отныне освящает все нужды и потребности государства, а потому, скажем, не препятствует становлению в XVII веке крепостного права. Православие, само перестав быть свободным, не могло отстаивать и свободу паствы. Все человеческие проблемы рассматривались только с точки зрения государственно-церковной пользы.

Двойственная роль церкви

Огромную и двойственную, роль сыграла церковь (так сказать, институализованное христианство): с одной стороны, воспитательница народов в христианском духе, проводник христианских идей и интуиций в народную толщу, с другой — подмена первоначальных смыслов учения политически и корыстно выгодными теориями, догматизацией живой религиозной жизнью и союзом с сильными мира сего. В дальнейшем союз церкви и власти привел к попыткам восстановить первоначальные смыслы, к ересям и расколам, в конечном счете, к Реформации в Германии и старообрядчеству в России. Секуляризация была вызвана потребностью решить христианские проблемы вне церкви. Более того, поддержка церковью социально-экономического неравенства, ее беспомощность в решении социальных вопросов на фоне проходившей секуляризации привели ее к отторжению от народных нужд. В результате — первая страшная антихристианская революция в Европе (Франция, 1789), разбудившая в массовом человеке инстинкты зверя.

Кризис углублялся. Усиливается борьба уже не просто с церковью, а именно с христианством как фактором духовной и социальной жизни общества. Во

² Пресняков А.Е. Княжное право в Древней Руси. Лекции по русской истории. — М., 1993. — С. 380.

³ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х т. Т. 2. — СПб.: София, 1992. — С. 279.

второй половине XIX столетия прозвучало пророчество — «Бог умер» (Ницше) и «Если Бога нет, то все позволено» (Ф. Достоевский). Пророчество это предвещало небывалые катаклизмы, напоминавшие эпоху переселения народов, полную варваризацию населения («вплоть до антропофагии», как мрачно сетовал Достоевский). Церковь теряет контакт с духовной жизнью народа и интеллектуальной элитой, что пробуждает религиозную интуицию и попытки христиански воздействовать на публику вне и помимо церкви у ряда европейских мыслителей, не являвшихся священниками (Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, Г. Федотов, Ф. Степун, С. Франк, Р. Рильке, Г. Марсель, П. Клодель, М. Унамуно и др.).

Их слово, однако, не было услышано. Победу в сознании масс одержали антихристианские идеократии.

Тоталитаризм как язычество

Тоталитаризм, по сути своей, был антихристианским и, стало быть, антиевропейским движением, противопоставлявшим разуму мифологически устроенное сознание, опиравшимся на стихийные устремления масс жить в несвободе, без проблем (тип подобного миропонимания был угадан Достоевским в поэме о Великом Инквизиторе). По словам Гете, разумом живут единицы, личности, но именно их усилиями создается, крепится и структурируется материк европейской культуры. Любой иррационализм направлен на деструкцию личности, на деструкцию христианского откровения свободы и независимости человека, на размывание основ европейской жизни. Тоталитарные режимы, в сущности, возродили племенные, языческие идеи дохристианской почвы. В 1930 году Томас Манн в речи «Призыв к разуму» утверждал, что иррационализм XX века поднял на щит силы бессознательного, силы, творящие смутное, темное, он отверг дух, считая его убивающим жизнь, и в противовес ему восхвалял как истину жизни тьму души, материнско-внутреннее, священно плодоносящий внутренний мир. Из этой религиозности в почитании природы, в сущности своей склонной к вакхической необузданности, многое было воспринято национал-социализмом.

Язычество, которое, по слову российских мыслителей, сохранялось не только в России, а также в Германии и других вроде бы цивилизованных странах, вполне доказало свою жизнеспособность и силу, девестернизируя и дегуманизируя европейское сознание. «Есть в современной европейской литературе какая-то злость на развитие человеческого мозга. <...> С модой «на иррациональное» часто бывает связана готовность принести в жертву и по-мошеннически отшвырнуть достижения и принципы, которые делают не только европейца европейцем, но и человека человеком»⁴. Россия попала в этот общий поток, возникший после взрыва в Европе подсознательных, почвенно-языческих инстинктов, которые возжелали управлять историческим процессом, тем самым отрицая его надсубъективную силу и смысл.

Невероятное усилие русских писателей и мыслителей конца прошлого века по христианизации России было в значительной степени продиктовано

⁴ Манн Т. Письмо Карлу Керенци, 20 февраля 1934 года.

испугом, причину которого указал Достоевский, предъявив читателям угрозу «беса» Верховенского: «Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам...» Об этом же и тревога С.Н. Булгакова, беспокоившегося о недостаточной укорененности христианства в русском народе. Удар «неоязычества» в России был тем сильнее, что народная вера, как показали русские религиозные мыслители рубежа веков (С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский и др.), включала в себя на равных правах веру в Христа и во всякую почвенно-языческую нечисть («двоеверие»), то есть о преобладании Христа в сознании простого людина говорить было рано.

Инициированные христианством принципы исторического развития человечества, по сути дела, отрицались в тех странах, где восторжествовали почвенные боги, превратившие даже интернациональные идеи в племенные.

Русские европейцы против «заката Европы»

Противостояли этому шабашу разные силы, в том числе «русские европейцы», заметившие главное: удар по демократии связан, прежде всего, с ударом по подлинному христианству (при умении тоталитарных режимов использовать сервиллизм официальных церквей). И первое, что их насторожило в Европе XX века, — несоответствие представления о сохраняющей разум христианства, верной своим базовым ценностям европейской культуре и европейской реальности. Степун писал: «Вот мы изгнаны из России в ту самую Европу, о которой в последние годы так страстно мечтали, и что же? Непонятно, и все так: изгнанием в Европу мы оказались изгнанными и из Европы. Любя Европу, мы, «русские европейцы», очевидно, любили ее только как прекрасный пейзаж в своем «Петровском окне»; ушел родной подоконник из-под локтей — ушло очарование пейзажа»⁵. Разумеется, этот социокультурный тип, противостоящий как крайнему западничеству, так и безумному почвенничеству, был уже распространен в русской культуре: отсчет можно вести от Пушкина, вспомнить и Чаадаева, и Тургенева, и Чехова, очень много людей этого типа оказалось в эмиграции — как забыть Бунина, Милюкова, Федотова, Вейдле!.. Европа тоже уже оказалась иной. Там наступал на демократию фашизм. В передовой статье первого номера «Нового Града» (1931) Федотов писал: «Уже репетируются грандиозные спектакли уничтожения городов газовыми и воздушными атаками. Народы вооружаются под убаюкивающие речи о мире дипломатов и филантропов. Все знают, что в будущей войне будут истребляться не армии, а народы. Женщины и дети теряют свою привилегию на жизнь. Разрушение материальных очагов и памятников культуры будет первою целью войны. <...> Путешествие по мирной Европе стало труднее, чем в средние века. «Европейский концерт», «республика ученых» и «corpus christianum» кажутся разрушенными до основания. <...> В Европе — насилие, в России — кровавый террор. В Европе — покушения на свободу, в России — каторжная тюрьма для всех. <...> Против фашизма и коммунизма мы защищаем вечную правду личности и ее свободы, прежде всего — свободы духа»⁶.

⁵ Степун Ф. Мысли о России // Современные записки, 1923. Кн. 17. — С. 351.

⁶ Федотов Г.П. Новый Град // Федотов Г.П. Россия, Европа и мы. — Paris: YMKA-PRESS, 1973. — С. 136–137, 139.

На что они рассчитывали? Голос их не был слышен ни в Европе, ни тем более в России. Они утверждали христианство как основу европейской цивилизации. И в ответ на заявления о закате демократической эпохи — веру в возможность демократии на основе христианства. Имеет смысл поставить рядом два высказывания Степуна (не раз при том говорившего о беспомощности демократии в России и Германии): «Я определенно и до конца отклоняю всякую идеократию коммунистического, фашистского, расистского или евразийского толка; т.е. всякое насильствие народной жизни. <...> Я глубоко убежден, что «идейно выдыхающийся» сейчас демократический парламентаризм Европы все же таит в себе более глубокую идею, чем пресловутая идеократия. Пусть современный западно-европейский парламентаризм представляет собою вырождение свободы, пусть современный буржуазный демократизм все больше и больше скатывается к мещанству. Идущий ему на смену идеократизм много хуже, ибо представляет собою нарождение насилия и явно тяготеет к большевицкому сатанизму»⁷. Противостоит же этому сатанизму *«Божье утверждение свободного человека, как религиозной основы истории»*. Демократия — не что иное, как политическая проекция этой верховной гуманистической веры четырех последних веков. Вместе со всей культурой гуманизма она утверждает *лицо* человека, как верховную ценность жизни, и форму автономии, как форму богопослушного делания»⁸.

Даже готовые идти на компромисс деятели культуры, верившие, что черт (т.е. зло), в конечном счете, может послужить благу, признавали, что режим этот не божеского, а дьявольского происхождения. Именно такое парадоксальное подтверждение дехристианизации страны показано в романе о визите дьявола в Советскую Россию. В гениальном сочинении М. Булгакова «Мастер и Маргарита» Христос уже не Иисус, а Иешуа Га Ноцри, он просто добрый человек, хотя как-то и связан с высшими силами мироздания, и ему симпатизирует дьявол. Более того, нам дается и блистательно написанное жизнеописание Христа, но... в представлении дьявола, так сказать, евангелие от Воланда. *В этой стране* (отныне его епархии) *только в памяти дьявола остается образ Христа*. Народ же полностью дехристианизирован.

Оправдание Христа через дьявола — предел духовного падения культуры. У русских мыслителей были свои объяснения произошедшей катастрофы. Началось с Запада, который испытал явный кризис христианства (Ницше как симптом), но, быть может, и преодолел бы его, если бы некоторые разрушительно-атеистические идеи не подхватила Россия. В результате произошел распад российского национального сознания, ибо им не было усвоено на уровне, так сказать, «физиологии культуры», абсолютного, т.е., по Степуну, религиозного значения культурных ценностей и благ, что сказалось во всех сферах жизни. Оказалось, что народу на культуру наплевать.

⁷ Степун Ф. Мысли о России. Демократия и идеократия; буржуазная и социалистическая структура сознания; марксистская идеология как вырождение социалистической идеи; религиозная тема социализма и национально-религиозное бытие России // Современные записки. — Париж, 1928. Кн. 35. — С. 367.

⁸ Степун Ф. Мысли о России // Современные записки. — Париж. 1924. Кн. 21. — С. 301. Курсив Ф. Степуна.

Но почему «закат России» наступил раньше «заката Запада», обещанного Шпенглером? Надо, однако, сказать, что закат наступил для всей Европы, и тут трудно считаться, где раньше. По мысли Франка, Федотова, Степуна, в России все же раньше, поскольку большевизм насаждал все ухваченное им с Запада с той силой веры, которой Запад был уже лишен. Культурное бессилие русской религиозности на поверку оказалось страшной разрушительной силой.

Религиозная санкция культуры и демократии

Спасение демократии и свободы личности в одном — в придании культурным ценностям религиозной санкции. Но для этого и Церковь должна быть свободна, а не раздираться конфессиональными ссорами, тем более — не пачкаться сервильным угождением сильным мира сего. А для чувствующих себя христианами, писали русские мыслители, главное — *не предавать религиозного смысла свободы*.

Жить во имя религиозной свободы — значит сохранять чувство своего человеческого достоинства, не давая опустить себя до уровня скота, вола подъяремного. Но понятно, что почти невозможно сохранить чувство свободы при тоталитарно-фашистском режиме. Нужна демократия. Есть ли шанс восстановить ее в России — стране православной? Можно ли открыть глубинный смысл православия, не ограничиваясь обрядами и умением затеплить свечечку перед лампадкой (чем умилялись российские православные философы), как возможной силой для становления свободы и демократии?

Русские мыслители искали путей, которые позволили бы не просто ожить православие в России, но сделать его основой демократических изменений. Степун не раз говорил, что Россия может ждать от своих изгнанных мыслителей не организации вооруженной интервенции, а той идеологии, которая позволит ей существовать достойно. Для этого необходимо открытие путей, которые «приводят к многообразию христианских мирозерцаний, а тем самым и к многообразию решений тех или иных социально-политических вопросов»⁹. А уж многообразие политических мирозерцаний само требует демократической, а не тоталитарной организации политической жизни.

Это был идейный шанс. Но не туда смотрела Клио. Роль творцов идей, определявших судьбу человечества, досталась большевизму и фашизму. Русские европейцы, видевшие крах родившегося пять столетий назад в Возрождении христианского гуманизма, чувствовавшие надвигающееся новое Средневековье, вполне отдававшие себе отчет в неподлинности, игровом характере Серебряного века, который двусмысленно именовали «русским возрождением», но который привел к тоталитарному срыву, пытались найти идеологию, чтобы сызнова пробудить пафос подлинно всеевропейского Возрождения. Задача по-своему грандиозная. Но решать ее приходилось в ужасе войны и гибели людей, в зареве пожаров от горевших домов и книг, в очевидной перенасыщенности интеллектуального пространства смыслами, которым уже

⁹ Степун Ф. О человеке «Нового Града» // Новый Град, 1932. № 3. — С. 18.

никто не верил. Они попали в ситуацию, как называл ее Степун, «никем почти не осознаваемой *метафизической инфляции*»¹⁰.

Чему учит исторический опыт?

После крушения фашизма и большевизма Европа вернулась к построению и реконструкции «европейского дома». Но опыт, который вынесен из катастроф XX столетия, говорит нам о многом.

Человечество насчитывает не одну попытку построения универсалистских цивилизаций. Сейчас продолжается, пока наиболее успешное, построение новой мировой цивилизации, начало которой положено европейско-христианской культурой. Ее экстенсивное движение оказалось возможным в результате секуляризации «христианского мира» (отождествлявшегося до XV века с Европой). Сыграв свою роль воспитателя, христианство благотворно воздействовало на попавшую в поле его излучения человеческую ментальность, внушив гуманистические нормы поведения и морали. Казалось бы, что христианские смыслы вошли в европейскую цивилизацию, стали ее подпочвой, ибо без понимания христианской символики нельзя понять высших достижений ни литературы, ни живописи, ни музыки. Но опыт XX века показал, что речь шла именно о высоком искусстве, а почва оставалась вполне языческой. Восстание масс отвергло христианство, опершись на почвенных богов. Из «*Cogrus christianum*» Европа в XX веке превратилась в сборище воскресших племенных религий (порой под видом самоновейших европейских теорий). Восторжествовало неоязычество, бесовщина в разных национальных обличьях.

Оказалось, что, упраздняя христианство, человечество поневоле лишает духа и все явления гуманистической культуры, выросшие на европейско-христианской почве, включая политику (крушение демократических институтов и т. п.).

¹⁰ Степун Ф. Путь творческой революции // Сочинения. Вступительная статья, подготовка текста, примечания и библиография В.К. Кантора. — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 430.